

Д. В. Нечепуренко
D. Nечepurenko
г. Челябинск, ЧИРПО
Chelyabinsk, CHIRPO

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В. О. ПЕЛЕВИНА
RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SUBTEXT OF V. PELEVIN'S WORKS**

Аннотация: В статье анализируется концептуальное содержание творчества В. О. Пелевина, в частности произведения «Смотритель». Утверждается использование писателем буддизма в качестве ведущей философии творчества.

Ключевые слова: Пелевин; буддизм; дзэн; философия; герой; персонаж.

Abstract: The article deals with description and research of the conceptual content V. Pelevin's works, in particular «Caretaker». Argues that writer uses Buddhism as the leading philosophy for his creativity.

Keywords: Pelevin; Buddhism; Zen; philosophy; character.

Последний роман В. О. Пелевина «Смотритель», безусловно, весьма оригинальное, но вряд ли его вершинное произведение. По своему философскому содержанию это продолжение и некоторое развитие главной темы творчества писателя – духовного самосовершенствования в традициях буддизма и дзэн-буддизма. При этом значительную роль в его творчестве играет поэтика произведений, которая ориентирована на возможность пережить читателем интеллектуально-психологическое философское преобразование реально. Обратим внимание, что для объективности следует рассматривать творчество В. О. Пелевина, поэтику всех произведений в целом, поскольку в его творчестве явно наличие доминирующей общей философской темы, которая охватывает и другие, менее важные по отношению к сакральному уровню темы. Это темы внешние – не для просветленного (абсолютного), а для обычного или «различающего» ума [3].

Сложность творческого метода В. О. Пелевина заключается уже в самом выборе писателем подхода к решению вечных вопросов в произведении: перед нами не привычное для русского читателя бытописание, не «классическая» поэтика. Не так уж и много в классической русской литературе крупных писателей, ориентированных, в первую очередь, на собственно религию (философию) или мистицизм. Специфика стиля Пелевина выражается в непосредственном обращении к сознанию читателя, в повышенных интеллектуальных требованиях к нему при чтении произведения; его тексты содержат множество сложных и неясных периодов, которые мало кому удаётся раскрыть в достаточной степени, не говоря уже об оригинальных авторских художественных образах. Это специальная стратегия и особая поэтика, которые необходимы, потому что простого

интеллектуального постижения истины по буддийской «методике» недостаточно, истина должна быть воспринята непосредственно, лично пережита, постигнута интуитивно, тогда она дойдет до сознания профана. На первый план при решении вечных вопросов (поиск Истины) в процессе чтения книг В. О. Пелевина у читателя выходит *переживание*, а не просто интеллектуальное постижение или усвоение новой информации (самый простой вариант восприятия художественной книги).

Зная особенности художественной концепции и философии творчества В. О. Пелевина в целом, после ознакомления с содержанием романа «Смотритель» в нём вновь легко увидеть использование той же самой философии. Буддизм завуалирован внешним художественным слоем, за каламбурами, игрой, многообразием оригинальных образов, смешением стилей, прослеживается в поступках героев. Без предварительного знания этой религиозной философии полное рассудочное понимание того, о чём повествует творчество писателя или даже отдельное произведение, будет затруднено, поскольку емкие и глубокие суждения представлены достаточно бессистемно и спонтанно, что в духе самого буддизма.

Своим творчеством В. О. Пелевин прорубил окно на Восток, возвёл на новый уровень то, за что цеплялись и нащупывали в темноте классики русской литературы XIX века: Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, Н. А. Полевой, но сделал это ненавязчиво, не поясняя и не называя используемые им традиции и философию своими именами. Назвать их своими именами – значит лишить их первоначального значения, истинности. Главная идея писателя – это идея самосовершенствования, самовоспитания личности. Она взята из буддизма, но В. О. Пелевин не афиширует это и не называет напрямую избранной им философии, так как в конечном счете дело не в ее названии, как и не во внешнем оформлении любого феномена вообще (культурного, материального). Он предпочитает действовать практически и удивлять результатами. К тому же такая стратегия преподнесения концепции буддизма охватывает больший круг читателей, так как удастся избежать реакции некоторой части людей, для которых характерна реакция отторжения всего нового или ненационального даже по отношению к объективно хорошему новому и ненациональному.

Книга В. О. Пелевина «Смотритель», как и ряд других его произведений, частично повторяет его прежние работы. Это касается сюжетов: главный герой – изначально профан, ищущий Путь, стремящийся стать совершеннее, понять мир, что укладывается в характерологию творчества В. О. Пелевина, представленную четырьмя типами персонажей: герой-профан, герой-гуру, герои-феномены, идеальный герой. Поэтика и характерология произведений В. О. Пелевина преломляются с реальным буддизмом, в котором под идеальным типом подразумевают просветленного реального (святого) человека, который заполучил уважение у окружающих людей своим правильным поведением, мудростью, каковыми были, как считается, Будда, бодхисаттвы, другие уважаемые на Востоке священнослужители. Ищущий Путь в конце своего духовного личного подвига должен увидеть, что мир, в котором он живет, со всеми его составляющими, не обладает

никакой реальностью, подобен Иллюзии. Заметим, что в книге «Смотритель» писатель открыто обращается к буддизму в самом тексте произведения, по-прежнему использует восточные философские образы и мотивы, как и европейские, но в изображении христианства читатель обычно, как минимум, чувствует холодный формализм, о буддизме же писатель высказывается с теплотой.

У Единого Культа сложная теология, но лучше всего его суть выражает запомнившаяся мне с младенчества фраза из детской книги для чтения:

«Один человек, обращаясь к Богу, скажет „Иегова“, другой – „Аллах“, третий – „Иисус“, четвертый – „Кришна“, пятый – „Брама“, шестой – „Атман“, седьмой – „Верхнее Существо“, восьмой – „Франц-Антон“. Но Бог при этом услышит только „эй-эй!“ – и то, если очень повезет...».

Книга, конечно, хитрила – число «восемь» в Едином Культе считалось счастливым и сакральным. Главным символом Культа стал так называемый павловский (бывший мальтийский) осьмиконечный крест, соединивший в своих раздвоенных лучах христианское пересечение горнего и дольного с благородным восьмеричным путем последователей принца Сиддхартхи [1, с. 28].

В этом отрывке В. О. Пелевин называет буддизм «благородным», и это не выглядит иронией. В. О. Пелевин – один из немногих русских писателей, кто осваивает традиции восточной классической художественной и духовной литературы и активно использует их в своем творчестве. Многогранность стиля В. О. Пелевина и в том, что, кроме внутреннего, сакрального уровня в его произведениях есть и внешний, сатирический, на котором писатель не чурается обсуждения политических проблем, современного устройства мира вообще, вплоть до моды с гламуром. Выше мы уже говорили об отличии произведений В. О. Пелевина от большинства произведений классической русской литературы. Оно заключается и в нелинейной стратегии восприятия текста (многоуровневости, многотемности, повышенной роли интуиции и интеллекта читателя). Вряд ли внимательный читатель назовет того же «Смотрителя» легким чтивом. Эти художественные особенности опять же объясняются философскими принципами буддизма.

Одной из сильных сторон стиля В. О. Пелевина является непосредственное обращение его текстов к сознанию читателя. Художественная организация почти всех его текстов (особенно показательны в этом плане последние большие произведения писателя) требует серьезной интеллектуальной работы, чтобы осмыслить и иметь в виду все составляющие его фэнтэзийных миров. Читателю, человеку, испытывающему духовные трудности, не хватает доброго, обладающего обширными познаниями друга-наставника, чтобы он направил в правильное русло и указал на сделанные ошибки. На такую роль друга-наставника ненавязчиво претендует В. О. Пелевин и удачно её исполняет. Писатель выступает в роли гуру, которого как бы и нет (читатель сам выбирает книгу, сам покупает, читает). В аннотации к книге «Смотритель» говорится: «О чём эта книга на самом деле, будет зависеть от читателя – и его выбора» [1]. То есть смысл книги постигается так же, как и учение Будды: каждый постигает согласно особенностям своего восприятия, мышления, в соответствии с собственными убеждениями, склонностями и особенностями.

Для истинного почитателя творчества В. О. Пелевина жизненно важно решение определённого ряда философских проблем и тяга к деятельному познанию в отличие от легкого развлекательного чтения. Это размышления, представления о человеке как о целой вселенной, можно ли представить человека ею? Что может создать человек, что создаёт и каким образом? Как он может спасти себя и других, – и так далее. Таким рядом проблем вновь окружен главный герой «Смотрителя». Его больше интересует высшее устройство мира – постижение и охрана Идиллиума, герой ушел от обыденной жизни и бытовых проблем как от второстепенных. Образ главного героя из-за его двойственности, как это ни парадоксально может прозвучать, по своей художественной организации формально – модель отражения сущности буддизма. Это сила (воля), которая желает и действует в мире двойной бессамости. Он «Смотритель» – очевидно, что это особое, высокое положение по отношению практически ко всем остальным персонажам. По сюжету главный герой в конце книги подобно последователю Будды не ушел в нирвану. Иначе в соответствии с официальным буддизмом работа по всеобщему спасению не будет исполнена в этом мире. Он «отказывается оставить этот мир относительности, его мысли направлены к невежественным и страдающим в массе своей существам, ради которых он готов пожертвовать наслаждением, обретаемым при переживании абсолютной реальности» [3]. Мы помним, что в произведении главному герою пришлось расстаться с самым дорогим в его жизни: Юкой, его идеальной возлюбленной. И он не последовал за ней. В книге также можно найти другие соответствия поступков персонажей с «каноническими» действиями Будды или бодхисаттв. Так, например, превращение Юки из фрейлины категории «Зеленые Рукава» (искусственного создания) в полноценного человека можно трактовать как возвышение бодхисаттвой всех своих товарищей-сущест в до того же самого уровня мышления и восприятия, на котором находится он сам (пурва-пранидхана).

Библиографический список

1. Пелевин, В. О. Смотритель. Кн. 1. Орден желтого флага / В. О. Пелевин. — М. : Эксмо, 2015. — 220 с.
2. Судзуки, Д. Т. Дзэн-буддизм в японской культуре / Д. Т. Судзуки. — СПб. : ТРИАДА, 2004. — 272 с.
3. Судзуки, Д. Т. Дзэн и японская культура / Д. Т. Судзуки. — СПб. : Наука, 2003. — 522 с.